Горы Тир-Торчайр

Геральт изо всех сил старался удержать голову над водой, но одной рукой – другой он держал Эви – и одной здоровой ногой у него просто не было сил бороться с силой реки. пороги. Было чудом, что его еще не ударили ни о какие валуны, не ударили по голове или по воспаленной культе многочисленными плывущими бревнами. Его легкие горели из-за нехватки кислорода, и он изо всех сил рванул вверх, ударив ногой и потянув сложенную руку. Мгновение спустя его голова качнулась над поверхностью, и в это мгновение ведьмак сделал две вещи: глубоко вздохнул и тоже бросил взгляд вниз по реке.

«Черт возьми», — подумал он про себя, когда его голова снова погрузилась в пороги.

Ведьмак не увидел впереди никаких опасных валунов. На самом деле он не видел ничего, кроме голубого неба – просто полное окончание самой реки. Он направлялся к водопаду и понятия не имел, насколько он высок и что именно находится под ним. Внезапно он почувствовал, что падает в воздух, перевернув голову. Прошло несколько секунд, прежде чем его тело ударилось о поверхность воды внизу, выбив воздух из легких и вырвав труп Иви из его рук.

Ведьмак тут же начал тонуть, вес его оружия и доспехов потянул его вниз. В своем ослабленном состоянии ему просто нечего было дать. Он открыл глаза и посмотрел на поверхность, увидев над собой тело Иви, освещенное лучами полуденного солнца. Он позволил одной руке подняться вверх, продолжая опускаться все глубже и глубже, тьма сгущалась вокруг него.

«Иви», — прошептал он в уме, а затем мгновение спустя, будучи в состоянии задерживать дыхание ни на секунду дольше, он непроизвольно вдохнул, набрав в легкие воды.

Когда кислород в его разуме начал уменьшаться, ведьмак внезапно почувствовал, как маленькая рука схватила его собственную. Он поднял голову и поклялся, что видел человеческую фигуру – обнаженную женщину с длинными темными волосами.

«Леди Озера?» была его последняя мысль перед тем, как его зрение потемнело.

ooo

Назаир

Иешуа наклонился над столом и, закрыв один глаз, опустил лицо почти наверх. Он осмотрел поверхность, а затем медленно провел кончиками пальцев по гладкому, обработанному дереву. Он кивнул головой, и на его лице появилась улыбка удовлетворения, когда он снова поднялся. Иешуа был плотником, и его небольшая мастерская была соединена с его домом на окраине Аранбхайле. Но он был не просто плотником. Это был мастер-ремесленник, известный во всех нильфгаардских губерниях своим умением работать с деревом. Не имело значения, чего хотел заказчик – чего-то простого, например, хлебницы, или столь сложного, как богато украшенная рама, украшающая стены царского дворца – качество работы Иешуа было непревзойденным.

Был только полдень, и рубашка Иешуа прилипла к его телу, а его потные предплечья были испещрены опилками. Все окна и двери его магазина были открыты, чтобы пригласить любой ветерок и охладить помещение. Он как раз собирался взять другой инструмент, когда услышал странный – но почему-то знакомый – шум, доносившийся снаружи его магазина. Иешуа дернул головой вверх и посмотрел в открытую входную дверь, и его глаза расширились от шока. Через пыльную дорогу, под большим деревом на поле соседа Оллмана, сидел грязный волк-альбинос,

его шерсть была покрыта грязью и засохшей кровью. Существо смотрело прямо на Иешуа, и оно издало звук из своего горла – полурычание, полухныканье.

Иешуа вдруг понял, что его сердце колотится. Он моргнул, думая, что это может быть другое видение, но в глубине души он знал, что это было реально.

«Ле-Лейна!» - кричал он как можно тише. Он не хотел спугнуть волка.

Когда прошло несколько секунд, а он так и не услышал ответа жены и выхода из дома, он повернул голову к открытой двери, соединявшей его магазин с их домом, и закричал громче.

«Лейна! Выходи сюда, сейчас же!»

«Иешуа!» он услышал, как она вскрикнула в ответ от страха.

Он быстро повернул голову к двери, но волка там уже не было. Он бросился к главному входу в магазин и оглядел дорогу, но волка нигде не было видно. В этот момент в магазин прибежала Лейна. Когда она увидела своего мужа стоящим, она тяжело вздохнула.

«Ох, ты меня так напугал», - воскликнула она. «Я думал, у тебя еще один эпизод».

Иешуа медленно повернулся к своей жене.

«Волк-альбинос», — сказал он, в его голосе было заметно потрясение. «Прямо через дорогу. Я видел это».

Лейна нахмурила брови, глядя на супруга. Когда она поняла, что он говорит серьезно, она подошла к открытой входной двери и посмотрела в сторону поля. После того, как ее глаза осмотрели оба направления и ничего не увидели, она посмотрела на мужа.

«Иешуа, — сказала она с беспокойством в глазах, — ты уверен, что у тебя не было еще одного припадка?»

«Лейна, пожалуйста, не покровительствуй мне. Я не схожу с ума. Я знаю, что видела».

Она собиралась ответить, когда услышала гортанное карканье снаружи. Они оба повернули головы и просто стояли, потеряв дар речи от того, что увидели перед собой. Через дорогу на высокой ветке большого дерева сидела белая ворона. Оно смотрело прямо на Иешуа. Он каркнул еще дважды и взмахнул крыльями.

"Вы верите мне сейчас?" - прошептал Иешуа.

Лейна только кивнула. Ее рот был открыт, зачарованная тем, что она видела. Наконец она заговорила.

— Как ты думаешь, чего оно от тебя хочет?

«Я не знаю, но… думаю, я узнаю», — ответил он, войдя в дверь.

Лейна была прямо за ним. Они вдвоем медленно перешли грунтовую дорогу и остановились перед большим деревом, глядя вверх, на ворону. Оно посмотрело на Иешуа, снова каркнуло, а затем обратилось в бегство. Он взмахнул крыльями и направился на северо-восток. Пролетев сотню ярдов, ворона оглянулась, но Иешуа все еще не двинулся с места. Он все еще стоял посреди дороги, не отрывая глаз от птицы. Ворона сделала круг и села на нижнюю ветку

дерева перед плотником и его женой. Оно снова посмотрело прямо на Иешуа и на этот раз несколько раз очень громко каркнуло.

Лейна протянула руку и схватила рукав рубашки Иешуа.

«Я думаю, он хочет, чтобы ты последовал за ним», — прошептала она.

ooo

Маехт

Тиматаал был обеспокоен. За тридцать с лишним лет дружбы он ни разу не видел Малека в его нынешнем состоянии. Конечно, он и раньше видел Малека пьяным, но это всегда было после успешного выполнения сложной миссии. В момент, когда можно расслабиться и отпраздновать то, что ты все еще жив. Он никогда не видел, чтобы его друг употреблял алкоголь, чтобы заглушить свое горе. Но за последние двадцать четыре часа, с тех пор как они прибыли в Маехт, казалось, что Малек делал только две вещи – либо пил, либо отсыпался.

Впрочем, им больше нечего было делать, пока они ждали, пока Лидиал проработает все ессейские рукописи. Тиматаал был искренне удивлён, что она вообще согласилась прочитать и обнародовать их содержание. Он не был уверен, что использовал Баркейн, чтобы убедить ее, но не предполагал, что тот просто сказал «пожалуйста». Возможно, Баркейн и был племянником Малека, но было в этом человеке что-то такое, что просто расстроило Тиматаала.

Из раздумий его отвлек звук ударившейся о столешницу бутылки. Малек, сидевший напротив него, только что наполнил свою кружку до краев и сделал долгий, медленный и осознанный глоток. Рыжая знала, что Малеку больно. На самом деле он намеренно дал большому человеку пространство и время, чтобы справиться со своим горем. Тем утром Малек сказал ему, что ему нужно прогуляться. Когда он не вернулся в гостиницу к наступлению темноты, Тиматал отправился на его поиски и в конце концов нашел его в таверне на другом конце города. Они сидели там в относительной тишине последние пару часов, Малек не проявлял никакого интереса к еде, игре в карты или чему-либо еще, кроме постоянного употребления алкоголя перед ним. Тиматаалу не понравился путь, по которому, казалось, шел его друг, поэтому он решил, что пришло время что-то сказать.

«Ты не смог бы спасти ее. Ты ведь знаешь это, да? Через эту пропасть не было пути».

Малек посмотрел в глаза своему другу и глубоко вздохнул. Затем он посмотрел в свою кружку и сделал глубокий глоток. Он осторожно поставил кружку обратно на стол и уставился на Тиматаала.

«Думаешь, я расстроен из-за этого? Из-за того, что я не смог ее спасти?»

Тиматаал приподнял бровь. «Ах, да. Не так ли?»

На лице Малека отразилось отвращение, и он крепко стиснул челюсти.

«Я убил ее, Тим. Я убил свою плоть и кровь».

— Что? О чем, черт возьми, ты говоришь?

«В пещере я застрелил ее. Она умерла из-за меня».

«Хорошо, помедленнее. Расскажи мне, что именно произошло».

«Я видел Эйльхарта через пропасть. Я держал эту ведьму прямо в поле зрения. Я выстрелил, а затем… Эванджелина упала». Малек покачал головой. «Я ни в коем случае не должен был ее бить. Ни в коем случае».

«Ты уверен… потому что в той пещере много чего происходило, Малек. Этот огромный скорпион напал на нас. Мы все пытались от него отбиться. Ты уверен, что никто не наткнулся на тебя и не сбил твою цель?»

«Никто. Я уверен. И я знаю, что с моим оружием, со стволом все в порядке, потому что мой следующий выстрел – мой следующий выстрел в Эйльхарте – попал в точку».

Тиматаал громко выдохнул. «Значит, каким-то образом… ты застрелил – и, возможно, убил – свою племянницу?»

Малек, глядя в глаза другу, лишь кивнул.

Тиматаал протянул руку через стол, схватил бутылку выпивки и осторожно наполнил кружку Малека. Затем он наполнил свою собственную.

«Тогда, говорю, давай выпьем», — заявил лучший друг Малека.

ooo

Монтекальво

Филиппа Эйльхарт открыла глаза и тут же ахнула, но ее шок был вызван не тем, что она не знала, где находится. Бордовый балдахин над ней подсказал ей, что она находится в своей постели в своем собственном замке. Ее радостное изумление было вызвано тем, что ее зрение полностью восстановилось. Она могла сказать, что глаза в ее голове были ее собственными. Она глубоко вдохнула и почувствовала затхлый запах, что имело смысл, учитывая, что она не была дома больше месяца. Но хотя ее окружение было знакомым, она сразу могла сказать, что ее тело — нет. Это было странно, и дело было не только в новых глазах. Она поднялась с матраса и откинула одеяло. Она была совершенно обнажена и снова ахнула от увиденного.

«Что, черт возьми, он сделал?» — спросила она себя.

Волшебница быстро встала с кровати и бросилась к своему туалетному столику. Когда она увидела себя в зеркале, у нее буквально отвалилась челюсть. Она медленно села в короткое кресло, стоящее перед туалетным столиком, но глаза ее не отрывались от отраженного образа.

Внезапно сердце Филиппы начало быстро биться. Ее дыхание было быстрым и поверхностным, а затем на глаза навернулись слезы. На волшебницу из Монтекальво смотрела молодая девушка — одиннадцатилетняя Филиппа с плохим цветом лица; сухие, безжизненные волосы; и невероятно худощавое телосложение с маленькой грудью. И тут воспоминания заполонили ее разум.

— Но я скучаю по нему, — робко пропищала Филиппа, опустив голову и сложив руки на коленях.

«Я знаю, что да», ответила Тиссайя де Врис. «Для новых студентов вполне естественно тосковать по дому в первые две недели. Но это пройдет».

Филиппа, едва касаясь ногами пола, сидела в большом кресле напротив огромного стола помощника ректора Магической Академии Аретузы.

«Но мой брат — это все, что у меня есть», — прошептала девушка, и слезы текли по ее покрытому прыщами лицу.

Услышав эти слова, женщина с суровым лицом поднялась со своего места, подошла к другой стороне стола и села на стул рядом с Филиппой. Она развернула их стулья так, чтобы они смотрели друг на друга.

«Дорогая моя, в этом вы ошибаетесь», — сказал де Врис. «Внутри тебя есть что-то гораздо большее, чем мог бы быть любой другой человек».

Филиппа чуть приподняла голову и посмотрела на устрашающую женщину сквозь длинные волосы, которые упали вперед и закрывали ее лицо.

«Мисс Эйльхарт, у вас есть способность контролировать Силу», — продолжила волшебница. «С магией ты никогда ни в чем не будешь нуждаться… никогда больше. Разве это не звучит фантастически?»

Филиппа слегка кивнула головой.

«И никто никогда больше не сможет причинить тебе вред. Никто никогда больше не избьет тебя, не изнасилует тебя и не воспользуется тобой. Ни твой отец. Ни твой брат. Никто. ноги. Люди будут поклоняться тебе за то, что ты умеешь. И… ты можешь выглядеть так, как пожелает твое сердце».

С этими словами Тиссая де Врис махнула руками и произнесла заклинание. Филиппа подняла голову, чтобы посмотреть, что происходит, и внезапно яркий красный свет вырвался из рук волшебницы и осветил лицо Филиппы, Сила отбросила безжизненные волосы девушки назад. Филиппа вздрогнула и откинулась на спинку стула. Когда она оглянулась на сидевшего напротив нее помощника ректора, она заметила, что ведьма держала в руке маленькое зеркальце.

«Давай, посмотри на свое лицо», - сказала она. «Посмотрите сами, на что способна магия».

Филиппа взглянула на де Фриза, но затем, в конце концов, наклонилась вперед в кресле и взглянула в зеркало. У нее перехватило дыхание, а затем на ее лице появилась легкая улыбка. Первая улыбка, которую она носила за несколько недель. Ее прыщи исчезли. Кожа на ее лице была такой же чистой и гладкой, как у волшебницы, сидящей напротив нее. Наконец она оторвалась от зеркала и посмотрела в глаза взрослой ведьме.

Де Врис кивнул. «То, что я только что сделал для тебя, — пустяки, Филиппа. Всего лишь небольшой кусочек того, что может сделать Сила». После паузы она продолжила. «Но у Магии есть своя цена. Семьи, какой ты ее знаешь, больше не будет. Ты станешь бесплодной и никогда не будешь иметь собственного ребенка. И тебе придется забыть о своем брате».

«Но…» она начала протестовать.

— Нет! Никаких «но», — решительно сказал де Врис. «Невозможно иметь все. Такова цена магии».

Затем она потянулась вперед, положила кончики пальцев под подбородок Филиппы и снова

подняла лицо.

«Филиппа, с магией тебе больше не нужна семья. Магия станет для тебя всем. Она станет твоей семьей. Она станет твоим возлюбленным. Она будет твоим богом. Она защитит тебя. Она укрепит тебя. даст вам свободу. Магия – и только магия – это единственное, чему стоит поклоняться в этом мире, и вы, мисс Эйльхарт, сможете использовать ее… ласкать ее… контролировать ее».

Затем она откинулась назад и убрала руку от лица Филиппы.

«Но выбор за тобой. Если ты предпочитаешь быть со своим братом, тогда я могу дать тебе посылку с едой и несколько монет, и утром ты сможешь отправиться в путь. Я могу научить тебя всей силе. Магии - вещи, которые ваш маленький ум даже представить себе не может, но чего я не могу сделать... это решить за вас. Итак, что вы выберете, мисс Эйльхарт - Пауэр или вашего брата?"

Худая, половозрелая девушка посмотрела в глаза волшебнице и сглотнула.

«Я выбираю магию», сказала она, кивнув головой.

Филиппа очнулась от своих воспоминаний, все еще глядя на себя одиннадцатилетнюю в зеркало, и единственная слеза скатилась по ее щеке. Затем она сжала челюсти, произнесла заклинание, и внезапно прыщи на ее лице исчезли. Возможно, она выглядела как маленькая девочка, но на самом деле она чувствовала себя сильнее, чем когда-либо в течение многих лет – возможно, когда-либо.

«Ну, — сказала она вслух, — это тело не то, что я имела в виду, но я жива… так что, похоже, лысый человечек все-таки сдержал свое слово. И самое главное, я все еще могу контролировать Силу. "

Мгновение спустя она наколдовала небольшой халат, подходящий к ее худому телу. Надев его, она почувствовала странное, неприятное ощущение в задней части плеча, как будто ткань зацепилась за что-то острое. Она сняла халат и повернулась спиной к зеркалу. Она увидела что-то маленькое и черное посередине своей правой лопатки. Она потянулась к шее, провела кончиками пальцев по спине и нахмурила брови. Она нащупала несколько очень щетинистых волосков длиной в дюйм.

ооо

Маехт

— Черт побери, Мэл, — простонал Тиматаал. «Мы уже не молоды».

Двое мужчин, которым обоим было около шестидесяти лет, все еще находились в той же таверне, где они были прошлой ночью, даже не удосужившись вернуться в свою комнату в гостинице на другом конце города. Они были единственными, кто остался в таверне. Хозяин, заметив нильфгаардские доспехи и рост обоих мужчин, решил не спорить с ними о времени закрытия.

Тиматаал лежал на липкой деревянной скамейке, а Малек, борясь со сном, все еще сидел в кресле, положив голову и туловище на поверхность стола. Здоровяк поднял туловище и повертел головой на шее из стороны в сторону, его позвонки хрустели так громко, что Тиматаал мог слышать это на расстоянии нескольких футов. Утреннему солнцу оставалось еще

несколько часов до выхода из-за горизонта, а в очаге таверны все еще тлели угли. Малек лишь хмыкнул в ответ.

«Я не помню. Что мы в итоге решили?» — спросил рыжий.

«Мы решили, что теперь ты можешь выпить столько же, сколько маленькая школьница», — пробормотал Малек. «Это и… мы идем за этим чертовым Мечом».

«А почему, опять же, мы так решили? Второе, а не первое».

«Для Эванджелины».

«О, да. Верно. И как только мы его найдем? Мы отвезем его обратно в Нильфгаард… отдадим… ну, кто бы ни был сейчас главным?»

Малек покачал головой. «Единственное, что меня ждет в Нильфгаарде, это… наверное, петля, и уж точно не тот, кто с распростертыми объятиями».

«Совершенно верно», — со смехом сказал Тиматаал. «Я никогда не видел, чтобы мост был так тщательно сожжен, как мост между тобой и мисс Фрингиллой. Итак, тогда… что — мы просто собираемся сами использовать Меч? Пожалуйста, скажи мне, что ты не позволяешь своему маленькому дерьму у племянника оно есть».

«Я пьян… не глуп».

«Хорошо», — сказал Тиматаал. «В таком случае, примите меня в расчет».

И после этого они наконец потеряли сознание.

ooo

Геральт стоял на небольшом холме посреди фруктового сада и медленно вращался по кругу, пока великолепные лучи солнца сияли, освещая его окрестности. Он чувствовал, как легкий ветерок щекотал его кожу и шептал ему в уши, а ветви фруктовых деревьев, покрытые цветущими белыми лепестками, мягко покачивались. Он перестал оборачиваться, а затем посмотрел вниз по холму и увидел и услышал, как лениво течет сверкающая голубая вода реки. Он узнал этот фруктовый сад. Это было священное место для ведьмака. Именно здесь Иви согласилась стать его женой, но он не был уверен, что делал там в тот момент. Геральт взглянул вниз и заметил, что стоит на собственных ногах. Нога у него была целая, что еще больше смутило ведьмака. А затем его сердце екнуло, потому что он уловил в воздухе аромат ванили.

Ведьмак глубоко вздохнул и закрыл глаза, наслаждаясь чувствами, связанными с этим запахом. Медленно выдохнув, он услышал тихий голос сзади, произнесший его имя. Он быстро повернулся, и у него перехватило дыхание. Иви стояла перед ним в синем платье, которое она носила в день их свадьбы. Она выглядела сияющей и живой, с доброй улыбкой на лице. Геральту хотелось броситься к ней и крепко обнять ее, но он понятия не имел, что происходит, и не хотел делать ничего, что могло бы заставить ее исчезнуть. Внезапно ведьмак почувствовал страннейшее ощущение. Чувство, которого он не ощущал более девяти десятилетий. Он почувствовал, как на глазах у него навернулись настоящие слезы. Охваченный волнением, он упал на колени и опустил голову. Когда он наконец взглянул на жену, слезы потекли по его щекам.

«Прости меня, Иви. Пожалуйста, прости меня. Ты умерла из-за меня. Я должен был спасти тебя».

Увидев слезы на его глазах, лицо Иви наполнилось состраданием.

«Геральт, нечего прощать. Ты не мог спасти меня в пещере. Просто это было мое время».

Его глаза пожирали жену. — Ты… ты призрак? — спросил он, нахмурив бровь.

— Нет, я не призрак, Геральт.

— Тогда что… ты ангел?

Эви улыбнулась чуть шире. «Нет, я тоже не ангел. Я просто я. Твоя Иви».

«Тогда я не… это все в моих мыслях?» — спросил он, глядя ей в глаза.

«Да, Геральт, так и есть», — ответила она. Увидев боль на его лице, она продолжила: «Но это не значит, что это не реально».

Ведьмак вздохнул. «Тогда я не понимаю, Иви. Я ничего из этого не понимаю».

— Я знаю, что нет, но ты доверяешь мне, Геральт? она спросила.

— Конечно, детка. Полностью.

Он не мог оторвать глаз от жены и заметил, что ветерок развевал распущенные волосы по ее щеке. Она протянула руку и заправила пряди волос за ухо, что вызвало на лице ведьмака легкую грустную улыбку. Но это также ударило его прямо в грудь.

— Тогда не падайте духом, Геральт, ведь с тобой Эссея. Доверься ему.

Ведьмак слегка покачал головой. «Я… я хочу, но… как я могу? Я имею в виду, он должен был знать, чем все это закончится… что ты умрешь в этой пещере. Итак… почему он вообще повел тебя искать Меч? в первую очередь?"

— Со временем тебе это станет ясно. Но я могу тебе сказать одно: смерть — это не конец, Геральт. Для нас это не «прощай».

"Вы обещаете, что?"

— Да, детка, я обещаю.

Ведьмак глубоко выдохнул.

— Хорошо, — сказал он, кивнув головой. «Я доверяю тебе, и… мне бы хотелось верить ему. Но я не буду врать – сомнений еще много».

— Тогда помолись ему, Геральт. Помолись, чтобы он даровал тебе веру поверить ему, веру преодолеть твои сомнения.

«И… и если он ответит на мои молитвы – если он даст мне веру доверять ему – что тогда?»

«Тогда продолжай делать то, что ты делал с той ночи, когда я впервые встретил тебя: поступай

справедливо, люби милосердие и смиренно ходи с Ним».

«Идти с ним куда?»

«Куда бы он тебя ни повел… пока, наконец, не приведет тебя домой».

«Иви… я хочу быть с тобой дома… сейчас».

Она ласково улыбнулась Геральту. «Я знаю, что да, и однажды так и будет. Но до тех пор у Эссеи есть планы на тебя. Так что доверься ему и подчиняйся ему, даже если ты не понимаешь». После паузы она сказала: «Мне пора идти. А жить тебе еще осталось, так что вставай, Геральт».

Ведьмак продолжал смотреть на жену. «Я не хочу вставать», — сказал он, слегка покачав головой. «Я не хочу прожить жизнь без тебя».

«Я знаю. Но он даст тебе на это свою милость – ровно столько, чтобы пережить сегодняшний день».

«Отлично. А завтра?»

— А завтра он снова даст тебе ровно столько, сколько нужно. Так что вставай, Геральт. Вставай.

Иви продолжала убеждать Геральта подняться, медленно отступая от него. Из реки вдруг появился туманный туман и окутал ее.

Когда она начала исчезать из его поля зрения, он поклялся, что слышал ее шепот: «Я люблю тебя, муж».

Он сглотнул, и еще одна слеза скатилась по его щеке. Он прошептал в ответ: «Я тоже тебя люблю», как раз перед тем, как проснуться.

Геральт медленно открыл глаза, и из его горла вырвался короткий, низкий стон. Он поднял глаза и увидел над своей головой деревянный потолок.

«Ну-ну, мистер Соня наконец-то просыпается». Откуда-то неподалеку послышался женский голос.

Он повернул голову и увидел, что находится в маленькой каюте. Рядом с ним сидела седая женщина с морщинистым лицом и блеском в глазах.

"Кто ты?" он прохрипел. Его рот, похоже, работал не очень хорошо.

Она широко улыбнулась, показав отсутствующий зуб.

«Я? Почему… Я Владычица Озера».

http://tl.rulate.ru/book/100010/3439174